

Александр КИБОВСКИЙ

Через сословные препоны

Стремительная гвардейская карьера солдатского сына

Когда мы говорим об офицерах Императорской Гвардии, в сознании невольно возникает образ благородного аристократа, затянутого в красивый военный мундир. Действительно, среди гвардейцев было немало князей, графов, баронов и молодых людей лучших дворянских фамилий России. Именно они задавали тон гвардейской корпоративности, во многом основанной на собственных неписаных правилах поведения, понятиях о доблести и чести. Даже в конце XIX века (1895 год), когда половина всех российских офицеров изначально не принадлежала к благородному сословию, в гвардии потомственные дворяне составляли около 90 процентов¹.

Конечно, это не было случайностью. На протяжении XVIII-XIX веков перевод из армии в гвардию рассматривался как поощрение, сулящее офицеру большие перспективы для карьерного роста. Почти все генералы в возрасте до 40 лет так или иначе были связаны с Гвардией. Даже после отставки гвардейских офицеров охотно принимали на различные посты гражданской администрации. В гвардейские части назначались и переводились с большим разбором, нередко по личному усмотрению императора. Такое положение создавало гвардейцам особую репутацию в обществе, что вызывало понятную зависть со стороны армейских офицеров. Недаром в «Горе от ума» Скалозуб сетует о «предубеждениях Москвы»:

*Клюбимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Все так прилажено, и талии все так узки,
И офицеров вам начтем,
Что даже говорят, иные, по-французски.*

Однако, несмотря на привилегированность, в число гвардейских офицеров изредка попадали представители неблагородных сословий — нижние чины, добившиеся офицерского чина длительной службой или особыми подвигами. Впрочем, это было скорее исключением из правил и относилось к строевым частям. В Гвардии всегда существовали подразделения, необходимые с военной точки зрения, но непрестижные по роду своих обязанностей. Например, в первой четверти XIX века такими считались фуражачьи батальоны, гарнизон. Комплектовать их офицерами из дворян было затруднительно. В этой ситуации бывшие солдаты заполняли необходимые вакансии в Гвардейской фуражачьей бригаде, Лейб-Гвардии Гарнизонном батальоне, гвардейских инвалидных ротах. Иных перспектив стать гвардейским офицером у нижних чинов практически не было. Тем не менее об одной удивительной гвардейской карьере мы сегодня расскажем. Но начнем, пожалуй, с одного старинного портрета...

В Музее-панораме «Бородинская битва» хранится

портрет гвардейского офицера². Это небольшое произведение, выполненное М. И. Теребневым в 1827 году гуашью и акварелью на бумаге, было куплено музеем в 1975 году. На мундире офицера хорошо видны две серебряные медали: в память Отечественной войны 1812 года и за взятие Парижа 19 марта 1814 года. Ниже их приколот прусский

М. И. Теребнев. Портрет Дмитрия Филатова.

знак отличия Железного креста — памятная награда для русских гвардейцев, выдержавших основную тяжесть сражения при Кульме 17-18 августа 1813 года. Эта битва завершилась полным разгромом французского I-го армейского корпуса. Его командир генерал Вандам попал в плен. Прусский король Фридрих Вильгельм III, лично присутствовавший при торжестве российских войск, награждал всех офицеров и солдат Гвардейского корпуса специальным знаком, получившим название «Кульмский крест». Правда, сама процедура награждения растянулась на несколько лет и официально эти кресты были вручены гвардейцам только в апреле 1816 года. Тем не менее награды офицера на портрете не оставляли сомнений в его непосредственном участии в боях 1812-1814 годов.

Чей же образ запечатлел художник в 1827 году? Помочь в решении этого вопроса мог историко-предметный метод экспертизы, базирующийся на анализе изображенных деталей: форменной одежды, орденов, знаков персонажа... Обоснованный еще в 1910 году офицером Лейб-Гвардии Саперного батальона Г. С. Габаевым, этот метод долгое время не признавался советской наукой. Тем не менее в последние годы он получает все большее распространение.

Прежде всего необходимо было определить чин и место службы изображенного офицера. Серебряные эполеты на его мундире не имеют бахромы, что указывает на обер-офицерский чин — от прапорщика (в легкой кавалерии корнета) до капитана (ротмистра) включительно. Кроме того, с 1 января 1827 года для различия чинов на эполетах были введены звездочки. Их отсутствие, как в случае с нашим обер-офицером, соответствовало чину ка-

питана или ротмистра. Скорее всего, перед нами все-таки капитан, поскольку у него нет усов. Те, кто по традиции представляют себе генералов и офицеров 1812 года лихими усачами, впадают в серьезное заблуждение. Ношение усов являлось в то время не просто модой, а привилегией, установленной императором. Вплоть до 1820 года их могли себе позволить лишь гусары, уланы и казаки; позже драгуны, конные егеря и конная артиллерия. И лишь с 1832 года усы вошли в повсеместное употребление, став неотъемлемой частью облика военного николаевской эпохи. Естественно, что до этого момента кавалеристы (кроме кирасир, для которых ношение усов оставалось под запретом) дорожили своей привилегией. И на портрете, видимо, изображен все-таки «безусый» капитан.

Аксельбант на правом плече подсказывает нам место службы портретного персонажа. Недаром самый первый военный афоризм Пруткова гласит, что «нет адъютанта без аксельбанта». Мундир, подобный изображенному на портрете, — однобортный, с красным воротником, украшенным серебряными петлицами и кантом, — был установлен в 1815-1817 годах для старших и генеральских адъютантов, числящихся в гвардейских частях.

Теперь более внимательно изучим награды неизвестного капитана. Кроме уже упоминавшихся медалей и Кульмского креста, на его груди можно рассмотреть ордена Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 3-го класса. На этих деталях стоит остановиться подробнее. Сам по себе орден Св. Владимира 4-й степени не был большой редкостью в гвардейской среде, особенно в первой четверти XIX века. Многие офицеры получили его за храбрость в кампаниях против Наполеона. Но по правилам, установленным в 1789 году, такой орден, полученный за боевые отличия, дополнялся бантом из орденской ленты, который крепился в нижней части петличной ленточки, над кольцом и ушком креста. Для штабных офицеров получить боевой орден всегда было заветной мечтой. Недаром широкое распространение в армейской среде получили комические стихи: «За что у вас Владимир с бантом?» — «Я был при штабе адъютантом!...»³ У неизвестного адъютанта с портрета банта нет. То есть его «Владимир» получен за мирные заслуги. А это уже скорее исключение из правил для гвардейцев — участников походов 1812-1814 годов. Также не

является боевой наградой и орден Св. Анны 3-го класса: показанный петличный вариант был установлен только в 1815 году. Таким образом, несмотря на участие в войнах, наш капитан в основном проявил себя уже после завершения победоносных кампаний русской армии.

С такими исходными данными можно было надеяться на успешный результат поисков. Внимательно изучив списки всех офицеров гвардейских частей за 1827-1828 годы, среди адъютантов удалось обнаружить лишь одного человека, чьи награды в точности совпадали с наградами неизвестного капитана. Им оказался капитан Лейб-Гвардии Гренадерского полка Дмитрий Елисеевич Филатов, состоявший старшим адъютантом в Штабе Гвардейского корпуса⁴.

Д. Е. Филатов являлся, что называется, потомственным гвардейцем. Он родился в 1795 году в семье солдата Лейб-Гвардии Семеновского полка, и это обстоятельство фактически предопределило его дальнейшую судьбу. Солдатские дети в России конца XVIII — начала XIX века представляли особую социальную группу. Они считались лично свободными, но обязаны были нести военную службу. При этом дети гвардейских солдат распределялись исключительно в гвардию. По заведенному порядку с семилетнего возраста мальчики забирались из семьи и поступали в военно-сиротские отделения, где их учили строевой службе, грамоте, арифметике, ремеслам, «барабанщицкой науке» и «всему, что к пользе войск служить может». Правда, из-за высокой детской смертности это правило долгое время нарушалось и солдатам было разрешено обучать сыновей всем упомянутым дисциплинам дома. Для подготовки солдатских детей при гвардейских полках издавна существовали школы. По воспоминаниям начальника такой школы при Лейб-Гвардии Измайловском полку Е. Ф. Комаровского, «в ней обучали русской грамоте, арифметике и военной экзерциции; главная цель сей школы была, чтобы образовать в ней для полка хороших унтер-офицеров»⁵. Вот в такую-то школу при Лейб-Гвардии Семеновском полку и поступил 12-летний Дима Филатов, которого 3 мая 1808 года зачислили в полк рядовым. Не стоит удивляться столь раннему началу военной карьеры. Возраст большинства ротных музыкантов Семеновского полка не превышал тогда 14-16 лет, причем многие из них уже участвовали в войне 1807 года.

Штаб- и обер-офицер Л.-Гв. Фурштатской бригады.

Унтер-офицер и рядовой Л.-Гв. Фурштатской бригады.

В 1810 году военное руководство обратило серьезное внимание на гвардейских кантонистов (так теперь именовались солдатские дети и воспитанники военно-сиротских заведений). При пехотных полках и батальонах, а также в сиротском отделении их насчитывалось 1794 человека⁶. Теперь устанавливалась широкая система их подготовки: подростков назначали цирюльниками в роты и госпитали, отдавали учиться ремеслам, готовили в полковых школах музыкантов и писарей. Но к этому времени Филатов уже преуспел в нехитрых науках и 30 августа 1810 года был произведен в унтер-офицеры. По штату в Семеновском полку полагался один полковой, три батальонных, один квартирмейстерский и один казначейский писарь. Видимо, на одну из этих должностей (за исключением наиболее ответственной — полкового писаря) и попал 15-летний Филатов.

В марте 1812 года Семеновский полк выступил к западным границам России. Старшие по возрасту кантонисты, в том числе и Филатов, обязаны были следовать вместе с полком, который 28 мая вступил в Вильно. После начала боевых действий Филатов совершил отступление до села Бородино, где во время сражения 26 августа находился с полком в резерве. Дальнейший боевой путь Филатова неотделим от действий Семеновского полка: 6 октября семеновцы совершили наступательный марш при Тарутино, 12 октября составляли резерв при Малоярославце, а затем участвовали в преследовании неприятеля. С 1 января 1813 года Филатов уже находился за границей, где 20 апреля был в сражении при Люцене, 8 и 9 мая при Бауцене, 16, 17 и 18 августа у Кульма, а 4 и 6 октября в «битве народов» под Лейпцигом. 20 ноября 1813 года его назначили полковым писарем. В этом качестве он участвовал в кампании во Франции и 18 марта присутствовал при взятии Парижа.

Столица Франции поразила русских офицеров. Многие из них вспоминали дни, проведенные в парижских квартирах, как приятнейшие в своей жизни. Но для солдата Филатова Франция запомнилась не развлечениями и европейскими изысками. 18 мая 1814 года он был произведен в чиновники 14-го класса с оставлением при Семеновском полку и согласно Табели о рангах получал личное дворянство. Теперь солдатского сына нельзя было подвергнуть телесному наказанию, он имел, хотя и ограниченный, доступ в благородное общество... Будущее зависело от его расторопности и умения. Того и другого Филатову было не занимать, и 9 мая 1817 года его назначили провиантмейстером в 1-ю Гренадерскую дивизию, которая согласно расписанию дивизий по корпусам и армиям состояла при Гвардии.

Должность была вполне благополучной и при умелом подходе сулила чиновнику достаток к концу службы. Но не этого желал молодой Филатов, хорошо понимавший, что лишь офицерский чин позволит ему занять равноправное положение в дворянской среде, презрительно относившейся к выскочкам из низших сословий. К тому же согласно Табели о рангах уже первый офицерский чин прапорщика или корнета (XIV класс) давал потомственное дворянство, тогда как чиновнику надо было дослужиться до коллежского асессора (VIII класс). Естественно,

государство, стараясь ограничить приток в потомственное дворянство лиц низших сословий, всячески ограничивало им доступ в офицеры.

Однако Филатов уже обошел многие препоны, став пусть и непотомственным, но дворянином. Поскольку солдатское происхождение все-таки давало себя знать, сразу рассчитывать на строевую должность ему не приходи-

Гвардейское адъютантское мундирное шитье, установленное в 1815 г.

лось. Зато вакансии во вспомогательных частях, как уже говорилось, открывали новоиспеченному дворянину широкие перспективы.

Видимо, Филатову помогли гвардейские связи, и 14 ноября 1817 года из провиантмейстеров его переименовали в прапорщики с определением в 3-й фушштатский батальон при Гвардейском корпусе.

Итак, потомственное дворянство достигнуто. Но серый фушштатский мундир явно тяготил молодого прапорщика. Он сразу выдавал «суконное» благородство его обладателя. Недаром в обществе ходили стишки:

*Не военный и не штатский —
Просто серенький фушштатский.
Не мужчина и не баба —
Просто серенькая жаба⁷.*

Поэтому следующая цель — статус строевого офицера. И вот 18 июля 1818 года из фушштатского батальона его переводят прапорщиком в Гренадерский Его Величества Императора Австрийского полк (до 1814 года — Кексгольмский), который состоял в той же 1-й Гренадерской дивизии, где Филатов недавно служил провиантмейстером. Вообще складывается впечатление, что процедура быстрого облагораживания Филатова (провиантмейстер — фушштатский офицер — гренадерский прапорщик) была заранее согласована с начальством. Во всяком случае, другие прецеденты перевода фушштатских офицеров в гренадерские полки автору этой статьи не известны. Скорее всего, Филатова двигало по службе умение вести канцелярию и хозяйственные дела. Войска, наполненные храбрыми боевыми офицерами, испытывали острый недостаток в опытных администраторах. Мирная эпоха открывала дорогу не столько героям, сколько делопроизводителям. Хотя все познания Филатова ограничивались умением читать и писать, он оказался просто незаменимым помощником для командиров всех уровней. Уже 16 августа 1818 года Филатов был произведен в подпоручики, а 31 декабря назначен старшим адъютантом в Штаб Гвардейского корпуса. Его дальнейшая

СУДЬБЫ

карьера развивалась стремительно: 17 января 1820 года — производство в поручики и награждение орденом Св. Анны 4-й степени, а в следующем — Св. Анны 3-й степени. 28 июля 1823 года, опять-таки за отличие по службе, Филатову присвоили чин штабс-капитана. В то же время он женился на дочери чиновника VII класса Елизавете Ивановне Томиловой.

Итак, за шесть лет солдатский сын Филатов прошел путь от прапорщика до штабс-капитана. Карьера удивительная, особенно если учитывать, что даже потомственные дворяне достигали чина штабс-капитана в среднем только через десять лет военной службы. Для солдатских детей, составлявших около двух процентов штабс-капитанов армии, эта цифра увеличивалась до 26 лет⁸. Но Филатов не собирался останавливаться на достигнутом. Служа в Штабе Гвардейского корпуса, он очень хорошо понимал преимущества гвардейского офицера перед армейцем. Не использовать свое штабное положение для перевода в Гвардию было бы просто неразумно. Конечно, сразу рассчитывать на поступление в полки Старой Гвардии — Преображенский, Семеновский, Измайловский и другие, — имевшие преимущества в два чина перед армией, не приходилось. Но гвардионцы — полки Гренадерский и Павловский, ставшие гвардейскими лишь в 1813 году и имевшие старшинство лишь в один чин, при определенных обстоятельствах могли принять бывшего писаря.

5 декабря 1824 года генерал-адъютант Н. И. Депрерадович обратился к командующему Гвардейским корпусом: «Штабс-капитан Филатов, находясь в настоящей должности, исправлял оную всегда с таковою примерною ревностью, что в продолжение всего времени обращал внимание на себя всех своих начальников. Будучи лично о том известен и имея в виду засвидетельствование Начальника Штаба Гвардейского корпуса г. генерал-майора Нейдгарта 2-го, я обращаюсь с покорнейшей просьбою к Вашему Превосходительству об исходатайствовании Всемилостивейшего перевода Лейб Гвардии в Гренадерский полк⁹. Приказом 12 декабря 1824 года Филатов был зачислен штабс-капитаном Лейб-Гвардии в Гренадерский полк с оставлением при прежней должности. Дальше — больше. В 1826 году он получил орден Св. Владимира 4-й степени, а в 1827-м — старший обер-офицерский чин капитана (видимо, по данному случаю и был за-

Неизвестный художник.
Гвардейский кавалерийский адъютант (по легкой кавалерии). 1815-1825 гг. 1840-е гг. ВИМАИВиВС.

Неизвестный художник.
Гвардейский пехотный адъютант. 1817-1825 гг. 1840-е гг. ВИМАИВиВС.

казан портрет). За десять лет солдатский сын прошел путь, который обычно дворяне проходили за тринадцать. Но и это не стало для него пределом. 1 января 1829 года его переводят в один из полков Старой Гвардии — Измайловский. Теперь капитан Филатов имел старшинство в два чина по Табели о рангах. То есть в случае необходимости он мог перейти в армию с чином подполковника. Заметим, что средняя выслуга подполковников составляла около 19 лет. Но перешагнуть следующий барьер и стать штаб-офицером Филатову не было суждено. Его стремительная карьера оборвалась также скоропостижно. 20 августа 1829 года он умер на 34 году от рождения и был похоронен на Волковом православном кладбище в Петербурге¹⁰.

Дмитрий Елисеевич Филатов прожил недолгую жизнь, но в социальной иерархии России добился удивительных успехов. Некоторые мои коллеги-историки, познакомившись с его судьбой, даже предположили, что настоящим его отцом был кто-то из влиятельных лиц Петербурга. Подобные коллизии не являлись редкостью в то время. Зачастую благородные отцы, прижив незаконных детей от солдатских женок или крепостных девиц, старались затем устроить их судьбу, оказывая неофициальное покровительство и поддержку. В этом случае стремительная карьера Филатова вполне объяснима. Но никакие указания или намеки на подобные обстоятельства автору не известны. Видимо, своими успехами Филатов был обязан прежде всего умению вести дела, быть на хорошем счету у начальства и строить карьеру.

Примечания

1. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М. 1993. С. 270.
2. Тербенев М. И. Портрет гвардейского офицера. 1827. Бум., акв., гуаш. 14,7 x 12,3 (овал). Инв. №ОФ-2725/Ж-157.
3. Русский военный рассказ XIX - начала XX века. М. 1988. С. 543.
4. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Р. Х. 1827. Ч. 1. СПб. 1827. С. 196; То же на лето от Р. Х. 1828. Ч. 1. СПб. 1828. С. 209; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб. 1828. С. 52.
5. Комаровский Е. Ф. Записки графа

6. Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801-1855/История Российских войск. М. 1996. С. 12.
7. Лапин В. В. Семеновская история 16-18 октября 1820 года. Л. 1991. С. 41.
8. Целорунго Д. Г. Опыт компьютерной обработки данных формулярных списков офицеров — участников Отечественной войны 1812 г. //Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы научной конференции. Бородино. 1997.
9. РГВИА Ф. 395. Оп. 77. Д. 118. Л. 4.
10. Николай Михайлович вел. кн. Петербургский некрополь. СПб. 1913. Т. 4. С. 356.